

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕВИЧ ПОПОВ

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия;
e-mail: aa.popov@hse.ru

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА ТРУШНИКОВА

студентка 2-го курса магистратуры Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: Sofitrushnikova@mail.ru

**Пределы кооперации:
координация пятилетних планов стран СЭВ
и проблема дефицита сырья (1950–1970-е годы)**

УДК: 339.924

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-1-32-50

СЭВ долгое время оставался заложником прямых сравнений с ЕЭС. Современная историография пересматривает пассивную роль организации, показывая, как в ней оспаривались и перерабатывались идеи европейской интеграции. Альтернативой, позволяющей избежать наднационального регулирования и преодолеть дефицит промышленного сырья, должна была стать координация народнохозяйственных планов. Ставя под сомнение тезис о том, что причиной провала координации планов стало отсутствие мотивации восточноевропейских стран — участниц СЭВ, авторы анализируют экономические мотивы социалистической интеграции и сложности, с которыми Совет столкнулся, стремясь избежать наднационального регулирования. Исследование основано на анализе документов СЭВ 1950–1970-х гг. из фондов РГАЭ, стенограммах совещаний руководителей коммунистических партий из фондов РГАНИ и документах Комитета сотрудничества с заграницей ПНР из польского Archiwum Akt Nowych (Архива новых актов). Авторы приходят к выводу, что реализации проектов преобразования Совета, сформулированных с позиций широкой кооперации, препятствовала установка социалистических стран на защиту национальных интересов. По мере снижения

остроты сырьевого кризиса снижалась мотивация руководства социалистических стран к масштабному реформированию СЭВ. Тем не менее вплоть до начала 1970-х гг. координация планов оставалась полем битвы за выработку траектории экономической интеграции внутри соцлагеря.

Ключевые слова: интеграция, планирование, социалистический лагерь, история XX в., СССР, Польская Народная Республика.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Идеологическое противостояние в период холодной войны побуждало наблюдателей, а позже исследователей проводить прямые параллели в развитии двух политико-экономических систем. В конце 1940-х гг. Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), созданный в ответ на «план Маршалла», представлял собой (по крайней мере на бумаге) институт координации, занятый распределением дефицитного сырья внутри социалистического лагеря. После 1953 г. ситуация изменилась. Начиная с середины 1950-х гг. СЭВ позиционировался советскими функционерами, а через их оценки и западными наблюдателями в качестве социалистической альтернативы западноевропейским интеграционным структурам, и прежде всего зарождающемуся Европейскому экономическому сообществу. Прямое сравнение СЭВ с ЕЭС создавало заведомо искаженную картину институционального подобия двух организаций, поскольку развитие социалистического блока рассматривалось через категории западноевропейской интеграции [Осипов, 2019, с. 230]. Этот разрыв между образом социалистического «альтер эго» евроинтеграции и прагматическими задачами СЭВ повлиял на ход дискуссий о выборе траектории развития организации и на традиционно низкие оценки ее эффективности, данные через призму успехов евроинтеграции.

В современной историографии СЭВ предстает многоуровневой системой экономических отношений, внутри которой активный поиск новых форм экономического сотрудничества велся с учетом политических и идеологических ограничений [Müller, 2017; Kaniskas, 2014; Libbey, 2010]. Как показали Лорен Крамп и Симон Годард, Совет был не пассивным дипломатическим форумом, как долгое время считалось, но организацией, в которой западные концепции «наднациональности» и «интеграции» «оспаривались и пересматривались» [Crump, Godard, 2018, p. 23–24]. Не только СССР, но и представители социалистических стран неоднократно выступали инициаторами реформ и соглашений в СЭВ [Липкин, 2019, с. 83].

Попытки выработать социалистический формат интеграции, не вводя наднационального регулирования, привели к появлению специфической формы сотрудничества — многосторонней координации народнохозяйственных планов. В конце 1950-х гг. в советской научной и публицистической литературе об устройстве мировой социалистической системы возник тезис о том, что координация пятилетних планов является основной формой сотрудничества в рамках СЭВ [Фаддеев, 1964,

с. 6; *Апро*, 1969, с. 6; *Виснер*, 1986, с. 93–101]. В 1960-е гг. этот тезис был зафиксирован в официальных документах Совета. Координация планов была названа «основным методом организации сотрудничества» и в «Комплексной программе дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ» 1971 г., определившей развитие Совета на следующие два десятилетия¹. При этом каждый раз для выражения идеи координации и в документах, и в литературе использовались размытые формулировки, не раскрывавшие ни ее сущностного содержания, ни причин, по которым ей отводилась ведущая роль. Сегодня исследователи соцлагеря определяют координацию планов как утопический и в целом провальный замысел, а не как ключевую форму совместной деятельности [Godard, 2018, p. 209]. В исследованиях реформ Госплана СССР в хрущевский период она упомянута как малозначительный эпизод в истории расширения сотрудничества с социалистическими странами в рамках долгосрочного планирования [Некрасов, 2019, с. 71]. Разрыв между значимостью координации планов в официальных документах и скромными результатами ее практического исполнения иллюстрирует пределы социалистической интеграции.

Отметим, что содержание термина «координация планов» в разные периоды истории соцлагеря и на его разных уровнях различалось. В официальных советских документах «координацией планов» чиновники могли называть рутинный процесс согласования торговых поставок в рамках подписания двусторонних пятилетних торговых соглашений и попытки создать сложную систему институтов стандартизации, распределения производственных мощностей внутри блока и перспективного планирования экономического развития блока в целом. Историческая динамика значения этого управленческого клише специально не изучалась, хотя Годард анализировал в деталях, как сетевые связи функционеров СЭВ влияли на эффективность координации планов [Godard, 2018]. Вопросы условий, мотивации участников и технологий разработки остаются открытыми. Насколько тесной задумывалась координация? Какие сферы экономики она должна была охватывать? Через какие механизмы она должна была осуществляться? Какие цели преследовали восточно-европейские правительства, разрабатывая проекты координации планов? Как они соотносились с общими тенденциями развития СЭВ?

В данной статье процесс трансформации идеи международной координации планов рассматривается на материале обсуждений путей реформирования СЭВ руководителями стран-участниц, экспертами и чиновниками организации. Исследование выполнено на основе документов структурных подразделений СЭВ из фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ)² и стенограмм совещаний руководителей коммунистических партий из фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ)³, документов Комитета сотрудничества с заграницей ПНР польского Archiwum Akt Nowych (Архив новых актов)⁴.

¹ Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ. М.: Секретариат СЭВ, 1971. С. 11.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 302. Ф. 561. Ф. 4372.

³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5, 10.

⁴ Archiwum Akt Nowych. Komitet Współpracy Gospodarczej z Zagranicą (AAN. KWGzZ). Z. 22.5.

Подвергая сомнению тезис о том, что восточноевропейские страны экономически и политически не были заинтересованы в координации планов, авторы уделяют значительное внимание экономическим мотивам развития социалистической интеграции, и в частности удовлетворению растущих потребностей национальных экономик в сырье. Для этого в первой части статьи рассматривается начальный этап формирования СЭВ и институциональные предпосылки для появления идеи координации планов. Вторая часть посвящена выработке альтернативных концепций координации планов в первой половине 1960-х гг. и их связи с проблемой наднационального регулирования в социалистическом лагере. В заключении дается оценка трансформации экономической мотивации правительств стран — членов СЭВ к участию в координации планов в рамках СЭВ.

Становление СЭВ и дефицит сырья в Европе

В послевоенный период дефицит промышленного сырья, прежде всего угля и стали, был общеевропейской проблемой. Для ее решения созывались специальные сессии ЭКОСОС ООН и ЕЭК, а западноевропейские страны создали Европейское объединение угля и стали. Однако острота дефицита спала благодаря изменениям в структуре экономики, а не деятельности межгосударственных организаций [Gillingham, 1991, p. 300]. Крупнейший исследователь истоков европейской интеграции Дж. Джиллингэм весьма критически оценил практическую эффективность ЕОУС, подчеркивая, что организация «сделала только одно <...> запустила процесс интеграции. Этот успех вырос из неудачи» [Ibid., p. 299].

Совет Экономической Взаимопомощи возник в 1949 г., в самый разгар европейских проблем с поставками важнейших ресурсов. Хотя традиционно его создание связывают с необходимостью противостоять американскому капитализму и «плану Маршалла» [Kansikas, 2014, p. 38], за фасадом официальной мотивации проступают разрушенные Второй мировой войной и началом холодной войны экономические связи, утраченные рынки сбыта и сырья [Широков, 2005, с. 44]. На закрытой встрече 8 января 1949 г. по итогам совещания об учреждении СЭВ И.В. Сталин прямо сказал, что СЭВ призван создать экономическую базу Коминформа и положить конец англо-американскому господству в Европе [Губианский, 2010, с. 342]. Он объяснял, как СЭВ должен вытеснить США с европейских рынков: «Если мы сами будем производить сырье, Европа пойдет за нами <...> Создание сырьевой базы для всей Европы будет иметь большее значение, чем Коминтерн» [Kaplan, 1995, s. 235]. Учитывая остроту дефицита сырья в Европе конца 1940-х гг., план Сталина следует признать утопичным, поскольку сами социалистические страны страдали от нехватки важнейших ресурсов.

Согласно устоявшейся в историографии точке зрения, СЭВ был учрежден для координации торговых потоков [Bideleux, Jeffries, 1998, p. 539–540], тогда как главной мотивацией взаимной торговли соцстран были «принуждение и отсутствие других партнеров, а не экономическая выгода» [Kansikas, 2014, p. 39]. Однако полностью отрицать наличие экономических мотивов сегодня не решаются даже самые консервативные исследователи. Советский Союз в первые годы существования СЭВ был политическим и экономическим гегемоном блока, обладавшим самой мощной армией и самой крупной экономикой среди социалистических стран. Ха-

раक्टर экономических отношений внутри соцлагеря в период правления Сталина определялся двусторонними и довольно запутанными отношениями с СССР. Советское руководство поставляло в восточноевропейские страны продовольствие и одни ресурсы, изымая у них технологии и другие виды сырья [Jersild, 2011, p. 109–132]. В послевоенный период были заключены договоры, позволяющие вывозить в Советский Союз не только оборудование, но и сталь, цветные и редкоземельные металлы, уголь, нефть. ГДР, Венгрия и Румыния продолжали выплачивать СССР репарации. В то же время Политбюро поддерживало экономики социалистических стран, выделяя кредиты зерном и топливом.

Уже в первый год своего существования СЭВ стал площадкой для обсуждения вариантов расширения экономического сотрудничества. На I Сессии Совета 6–30 апреля 1949 г. на повестке стоял вопрос расширения товарооборота внутри блока и возможности многостороннего клиринга. Состоявшаяся 26–27 августа 1949 г. II Сессия была посвящена вопросам внешней торговли с капиталистическими странами и развитию научно-технического сотрудничества. Рекомендации по заключению новых соглашений, выработанные в ходе сессий, на практике почти не выполнялись. Бюро СЭВ, формируя рекомендации и повестку сессий, учло предложения, поступившие от польского, чехословацкого и венгерского правительств, что привело к конфликту между представителем СССР и Секретарем СЭВ, также советским гражданином [Липкин, 2019, с. 51–52]. Неопределенность компетенций СЭВ оставляла пространство для политического маневра⁵. Однако, когда в 1950 г. рекомендации Бюро СЭВ вступили в противоречие с содержанием двустороннего торгового соглашения СССР и Чехословакии, советским представителем в Совете был назначен политический тяжеловес А.И. Микоян, а СЭВ был поставлен под полный контроль Москвы [Там же, с. 53–54]. Запланированная накануне III Сессия состоялась, но стала последней до смены политического руководства СССР.

Между тем внутри соцлагеря складывались предпосылки для масштабного сырьевого кризиса. Плановые органы восточноевропейских стран в 1949–1954 гг. в духе советской индустриализации делали ставку преимущественно на развитие тяжелой промышленности. Для реализации планов новых пятилеток требовалось расширение металлургического производства, а следовательно — увеличение добычи железной руды и угля (в том числе коксующегося). Поскольку они были в дефиците по всей Европе, для стран, не имевших собственных богатых месторождений, закупить их на внешних рынках даже за валюту было проблематично. Торговля стратегическими ресурсами начала сокращаться, а взаимные претензии по сорванным поставкам — расти. В итоге все страны блока были вынуждены развивать собственную добычу ресурсов, вкладывая в нее минимальные средства, поскольку основные капиталовложения направлялись на строительство предприятий «группы А». Для работы в шахтах привлекали солдат и заключенных, под землей использовали труд женщин — такая ситуация была характерна и для Польши, и для Советского Союза [Баканов, Попов, 2017, с. 89–90]. К концу пятилетки после пуска первых крупных металлургических предприятий ситуация только обострилась. Польский металлургический комбинат им. Ленина не мог нормально начать работать из-за нехватки коксующихся углей, которые не поставляла Чехословакия, поскольку

⁵ Róžański H. Spojrzenie na RWPG. Wspomnienia, dokumenty, refleksje. 1949–1988. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. S. 93–94.

Польша в свою очередь не предоставляла ей уголь для электроэнергетики [Роров, 2018, р. 1307–1308]. В Албании, Болгарии, Венгрии и ГДР ситуация была менее запутанной — собственные месторождения, дающие бедные руды или некачественный уголь, разрабатывать было дорого, а использовать в металлургии — бесполезно.

Проблему дефицита промышленного сырья не решила даже ограниченная либерализация отношений внутри блока после смерти Сталина. Давление на страны-экспортеры давало крайне ограниченный эффект. Ни СССР, ни Польша, ни Чехословакия не могли в этих условиях достичь необходимых объемов добычи. Под давлением соседей зимой 1956 г. польские власти отгрузили уголь в страны — члены СЭВ, и уже в марте Польша столкнулась с нехваткой угля для собственных нужд. СЭВ, учрежденный для снабжения сырьем всей Европы, явно не справился с поставленной задачей.

Кризис, затормозивший реализацию национальных планов развития, стимулировал обострение политических отношений внутри блока и вместе с тем появление новых форм сотрудничества. В 1956–1957 гг. необходимость координации усилий для решения сырьевой проблемы была настолько очевидна, что правительства согласились пойти на уступки и в вопросах планирования, и в вопросах инвестирования. Были запущены первые проекты по привлечению инвестиций заинтересованных стран в разработку богатых месторождений Польши и Чехословакии⁶. Но, что более значимо, Постоянные комиссии СЭВ по углю и черной металлургии по решению Сессии Совета приступили к разработке комплекса мер по снижению дефицита сырья в металлургии. Комиссии совместно разрабатывали предельно конкретные рекомендации для заинтересованных стран по изменению структуры поставок, планов работы отдельных шахт, технологическим процессам на заводах и планированию научно-технических работ, обеспечивающих снижение потребления высокосортного сырья⁷.

Введение этих ограниченных и не полностью реализованных мер совпало со снижением остроты сырьевого дефицита, обусловленного — скорее всего, как и в Западной Европе — структурными изменениями в промышленности. Как и в случае с Европейским объединением угля и стали, важнейшим результатом деятельности СЭВ по преодолению дефицита угля стала демонстрация принципиальной возможности координации усилий стран-членов в решении общих проблем. У некоторых руководителей тогда сложилось убеждение, что режимы координации, выработанные для решения узкого вопроса, могут быть использованы более масштабно и систематически.

Альтернативные пути координации планов

Руководители Польши, Чехословакии и Венгрии выступали за углубление сотрудничества еще накануне создания СЭВ. Тон задавали польские и чехословацкие власти, еще в 1948 г. попытавшиеся наладить работу двустороннего комитета, но

⁶ По инициативе, исходившей от Н.С. Хрущева, изначально предполагалось инвестировать в добычу криворожской руды.

⁷ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 23с. Д. 7. Л. 73–74.

под давлением Москвы вынужденные ее свернуть⁸. С оживлением работы СЭВ в середине 1950-х гг. появилась площадка, на которой можно было обсуждать возможные сценарии расширения интеграции. Хотя политическая инициатива переформатирования СЭВ в 1954 г. исходила в большей степени от советского руководства, власти ПНР и ЧССР выступили с рядом смелых инициатив.

Важным фактором активизации деятельности СЭВ в 1950-е гг. был прогресс западноевропейской интеграции. Создание Европейского экономического сообщества в восточноевропейских странах и в СССР было воспринято исключительно негативно. Оценки советских экспертов основывались на потенциальных потерях социалистических стран, для которых новая организация закрывала значительную часть западноевропейских рынков. ЕЭС обвиняли даже в «изоляции», разрушающей основы общеевропейской интеграции⁹. Впрочем, самым сильным аргументом против ЕЭС было наличие институтов наднационального регулирования. С точки зрения руководителей плановых экономик, болезненное закрытие западноевропейских рынков укладывалось в логику холодной войны и было понятно с позиции «хозяйствующего субъекта». В конце концов, все страны соцлагеря в той или иной степени стремились к автаркии, а действия «шестерки» были довольно мягким вариантом того, что осуществляли плановые органы и министерства внешней торговли от Берлина до Тираны. Но идея частичного отказа от суверенитета воспринималась негативно и чрезвычайно болезненно. При этом необходимость продолжения реформ была очевидна руководству стран-участниц [*Schiavone*, 1981, p. 19–20].

Остро стояли вопросы, так или иначе связанные с осуществлением масштабных планов индустриализации восточноевропейских стран. Первый касался обеспечения новых производств сырьем, второй — международной специализации в рамках блока. В 1958 г. чехословацкое правительство подчеркивало, что видит «центр тяжести дальнейшего развития международного разделения труда» в расширении сырьевой базы и «углублении кооперации в машиностроительном производстве»¹⁰.

Требовалось выработать такую форму углубления сотрудничества, которая позволила бы обойтись без внедрения наднационального регулирования. Значительное влияние на процесс принятия решения оказала успешная работа Постоянных комиссий по углю и черной металлургии. Решение проблемы дефицита конкретных видов сырья через координацию торговых поставок, научно-технических разработок и корректировки национальных планов способствовало развитию идеи, что координация планов возможна и в области специализации производства.

С 1958 г. в органах СЭВ началась разработка проекта предложений «об основных принципах социалистического разделения труда», который Постоянная комиссия СЭВ по экономическим вопросам представила на обсуждение XIV Сессии СЭВ в марте 1961 г. Проект предполагал расширение координации «в первую очередь

⁸ Stosunki gospodarcze polsko-czechosłowackie w latach 1945–1949. Zbiór dokumentów. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2015. S. 45.

⁹ О создании «общего рынка» и Евратома // Коммунист. 1957. № 9. С. 98.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 12. Л. 5. Сообщение чехословацкой стороны о согласии с принципами, высказанными в позиции Советского Союза, относительно вопросов, которые будут обсуждаться на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. От 14 мая 1958 г.

основных отраслей (видов) производства» в ходе формирования национальных долговременных перспективных планов отдельных стран на основе постепенно усиливающегося единства методических принципов планирования и статистического учета и возрастающей роли многосторонних форм координации»¹¹. Подчеркивалось, что координация планов должна обеспечивать баланс платежных отношений социалистических стран¹², то есть фактически регулировать торговые соглашения и выполнение обязательств по ним. Проект опирался на опыт сотрудничества в сфере координации планов по производству коксующегося угля, однако однозначной трактовки того, что понималось под координацией планов, не было. Обсуждая его, участники сосредоточились на углублении разделения труда внутри блока, позволяющего исключить «параллелизм» в производстве одних и тех же промышленных товаров в разных странах; согласовании инвестиций; стандартизации промышленной и торговой номенклатуры; оптимизации торговых потоков или совместного строительства крупных предприятий. В этой ситуации существовал риск формирования наднациональных механизмов регулирования социалистических экономик, которых в СЭВ опасались. Традиционно историки видят в отказе от них сопротивление восточноевропейских стран советским попыткам усилить свою гегемонию [Godard, 2018]. По мере разработки проект действительно все больше соответствовал взглядам советского руководства, и в частности Н.С. Хрущева, на дальнейшее развитие блока, что предопределило его провал на XIV Сессии СЭВ.

Закрепление имеющейся промышленной специализации устраивало промышленно развитые страны блока: Чехословакию, СССР, ГДР. В меньшей степени — Польшу и Венгрию. Однако оно угрожало программам индустриализации Болгарии, Румынии и Албании, руководство которых опасалось, что проект ограничит их возможности в развитии высокотехнологичных отраслей, навсегда закрепив за ними статус «аграрной периферии». Важно отметить, что на фоне тяжелой экономической и социальной ситуации, сложившейся после расширения автономии восточноевропейских стран во второй половине 1950-х гг., любые попытки ограничить то, что считалось «национальными интересами», воспринимались крайне болезненно. Особенно тема защиты «национальных интересов», которая звучала по ходу решения экономических споров между странами блока, резко усложняя согласование торговых поставок и урегулирование взаимных задолженностей в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Даже в торговых переговорах с Советским Союзом были нередки открытые перепалки, как это было в 1958 г., когда польская делегация неожиданно отказалась закупать советские вооружения, если не будут предоставлены скидки на сырье¹³. Конфликты, возникающие в ходе двусторонних переговоров между остальными странами блока, не всегда удавалось решить без посредников.

Напомним, что Польша, Чехословакия и Венгрия принципиально поддерживали расширение сотрудничества СЭВ, однако иначе видели пути реформирования организации. Сопrotивляясь утопичной идее Хрущева по созданию междуна-

¹¹ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 3. Д. 1. Л. 15–16. Об основных принципах международного социалистического разделения труда (Проект предложений, подготовленный Постоянной комиссией по экономическим вопросам). Материалы к XIV Сессии Совета Экономической Взаимопомощи.

¹² Там же. Л. 25.

¹³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 225. Л. 88.

родного планового органа [Некрасов, 2017], руководство этих стран настаивало на выработке инструментов унификации стандартов и статистики. Активнее других проявляло себя польское руководство во главе с В. Гомулкой. Польские эксперты под руководством профессора М. Калецкого активно включились в разработку методики расчета эффективности взаимных инвестиций¹⁴. Этот сугубо технический вопрос был принципиальным для формирования стратегии координации планов, поскольку предполагал соотнесение методик расчета внутренних цен, унификацию номенклатуры промышленных товаров и, что наиболее важно, изменение методик формирования национальных планов. Конфликт между польскими и советскими экспертами фактически парализовал разработку методики¹⁵. К весне 1961 г. у польской стороны сложилось понимание, что даже наличие методики не позволит решить проблему специализации «аграрных» стран¹⁶. Поэтому в мае–июне 1961 г. правительство ПНР предложило Секретариату СЭВ создать расчетный центр при Постоянной комиссии по экономическим вопросам¹⁷, который бы занялся унификацией различных национальных методик расчета экономических показателей в рамках Совета. Идея, предполагавшая формирование наднациональных полномочий СЭВ, вызвала опасения у руководства ряда стран. Но прежде всего у советских властей. Польский проект вместе с менее заметными инициативами по унификации статистических методик, выдвинутыми представителями Чехословакии, Венгрии и ГДР, постепенно растворились в бюрократической рутине, хотя выработка единой системы стандартов в рамках СЭВ продолжилась [Вольфсон, 2018; Kochetkova, 2020].

На XV Сессии СЭВ в октябре 1961 г. был принят проект «Основные принципы международного социалистического разделения труда», носивший рамочный характер, поскольку участникам обсуждения не удалось добиться его увязки с пятилетними планами восточноевропейских стран [Липкин, 2017, с. 124–125]. В тексте были зафиксированы допустимые формы сотрудничества, которые якобы «уже сложились и совершенствуются», включая координацию национальных народнохозяйственных планов и специализацию производства¹⁸. Было очевидно, что координация планов существует только на бумаге, поскольку отсутствовало даже приблизительное понимание того, что должно координироваться. Поэтому по результатам сессии Секретариату поручалось «подготовить на основе соображений стран предложения о методах координации планов развития народного хозяйства стран — чле-

¹⁴ Róžański H. Op. cit. S. 125.

¹⁵ Она была завершена в 1963 г. в сильно урезанном виде как «Методика сравнения экономической эффективности капитальных вложений в странах СЭВ» (РГАЭ. Ф. 562. Оп. 28. Д. 27).

¹⁶ Róžański H. Op. cit. S. 126.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 3. Д. 10. Л. 18–22. Точка зрения польской стороны по вопросу о необходимости расширения сотрудничества стран — членов СЭВ в области экономики и организации производства и труда Секретарю СЭВ Н.В. Фаддееву от Заместителя Представителя ПНР в СЭВ К. Ольшевского от 12 мая 1961 г.; Там же. Л. 23–26. Предложения от Польской стороны о создании расчетного центра в Комиссии по экономическим вопросам от 1 июня 1961 г.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 3. Д. 10. Л. 116. Основные принципы международного социалистического разделения труда.

нов СЭВ на период после 1965 г.»¹⁹. Это означало, что национальные правительства могли продолжать продвигать собственные варианты интеграции.

Политическое руководство ПНР к этому моменту уже вело разработку масштабной программы реформ, вызывавших обеспокоенность СССР. Ранние версии проекта предполагали ликвидацию СЭВ с заменой его новой организацией с новым названием, организационной структурой и полномочиями²⁰. В начале 1962 г., когда работа над проектом польского «Меморандума» о реформировании СЭВ продолжалась, В. Гомулка отправил Н.С. Хрущеву справку о содержании этого проекта. Хенрик Ружаньски, занимавший в этот период пост заместителя представителя ПНР в СЭВ, вспоминает, как в середине марта Н. Силуанов сказал ему, что справка произвела впечатление на членов Президиума ЦК КПСС, поскольку в сравнении с польскими предложениями советские инициативы находились «на полпути»²¹. В апреле на встрече с представителями ЦК ПОРП в Москве Ю.В. Андропов и В.Н. Новиков предложили польскому руководству выступить инициатором Совещания представителей коммунистических и рабочих партий стран — участниц СЭВ. За основу предлагалось взять польский проект. Однако в ходе той же встречи Андропов заявил, что на обсуждение не следует выносить создание нового органа координации — Политико-экономического совета, поскольку «вопрос ограничения национального суверенитета очень деликатный»²². В конце месяца состоялся телефонный разговор Хрущева и Гомулки, по результатам которого польский лидер сообщил Политбюро ПОРП о необходимости внесения изменений в проект²³. После обсуждения на заседании Политбюро ПОРП польское руководство фактически отказалось от своих наиболее радикальных предложений, прямо заимствованных из опыта ЕЭС: создания наднационального органа принятия решений, смены секретаря СЭВ на более авторитетного специалиста («Секретарь — тот, кого мы не знаем. В ЕЭС — Хальштейн, которого знает весь мир»), создания Арбитражной комиссии и т. д.²⁴

Совещание состоялось 6–7 июня в Москве, а не в Варшаве. При этом инициатором Совещания считалась польская сторона, а В. Гомулка выступил с докладом «Актуальные проблемы развития экономического сотрудничества стран — членов Совета экономической взаимопомощи», формально определившим повестку собрания²⁵. Однако доклад почти целиком был посвящен угрозам, которые таит в себе западноевропейская интеграция, и текущим проблемам функционирования СЭВ, а не конкретным мерам их преодоления — они содержались в польских предложениях, разосланных участникам. Подчеркивая, что конкретные формы могут быть иными, Гомулка акцентировал внимание на необходимости создания постоянно действующего Исполнительного комитета СЭВ из представителей стран-членов и

¹⁹ Там же. Оп. 41с. Д. 31. Л. 4. Соображения Венгерской стороны по вопросу организации в органах Совета работы по координации планов развития народного хозяйства стран — членов Совета на ближайший после 1965 года период.

²⁰ *Róžański H.* Op. cit. S. 137.

²¹ Ibid. S. 138–139.

²² Ibid. S. 141.

²³ Ibid. S. 147.

²⁴ Ibid. S. 148–153.

²⁵ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 20. Л. 16–44.

усилении состава Постоянной комиссии по координации планов за счет включения в нее зампредов национальных плановых органов.

Фактически Совещание было организовано таким образом, чтобы позволить советскому руководству перехватить инициативу реформирования СЭВ. Доклад Хрущева содержал целый ряд новых предложений, которые перекрывали инициативы польского «Меморандума». Хрущев обрушился на существующие механизмы координации планов: «То, что мы называем сейчас координацией, по сути дела — лишь согласование показателей, которые не поддаются каким-либо изменениям, даже в тех случаях, когда в этом есть серьезная необходимость», «образно говоря, координируются верхушки, а корешки, то есть коренные вопросы, остаются вне координации»²⁶. Его идея заключалась в том, чтобы, «опираясь на планируемую национальную экономику, постепенно наладить плановые экономические отношения в масштабах Совета Экономической Взаимопомощи, а затем и всей мировой социалистической системы»²⁷. Для достижения этих целей он предложил организовать работу по координации планов на генеральную перспективу до 1980 г. Значительная часть его выступления была посвящена тому, что предложения советской стороны не предполагают создания «общего котла», но логично вытекают из логики развития мировой социалистической системы. Любопытно, что Хрущев, среди прочего, апеллировал к интеграции как проявлению интернационализма: «когда капиталистические страны идут на частичное ограничение своего суверенитета <...> социалистические государства <...> должны исходить из интересов общего дела»²⁸.

Для формализации этих предложений в том же месяце была созвана XVI (внеочередная) Сессия Совета, которая постановила: «Считать целесообразным завершить в 1962–1963 гг. предварительные работы по координации народнохозяйственных планов на период по 1980 год»²⁹. Предполагалось, что все социалистические страны к 1 июля 1962 г. подадут в Секретариат Совета информацию о ходе подготовки к координации планов развития их народного хозяйства на генеральную перспективу. Сессия Совета поручила Секретариату на основе информации, предоставленной указанными странами, и анализа состояния подготовительных работ по координации планов в органах Совета (включая вопросы подготовки ориентировочных расчетов к топливно-энергетическому балансу) подготовить сводную записку для рассмотрения ее Исполнительным комитетом к 1 августа 1962 г.³⁰ Не достигнув компромисса, восточноевропейские страны затягивали предоставление данных либо предоставляли их в неполном объеме. Сроки были сдвинуты сначала на 1963, затем на 1964, и наконец, на 1965 г. После отставки Хрущева советское руководство, ставшее главным оппортунистом, затягивало предоставление данных до 1965 г., а затем и вовсе признало координацию планов на генеральную перспективу до 1980 г. «не соответствующей» текущим условиям³¹.

В отличие от советского руководства, отказавшегося от долгосрочной координации планов, политические элиты Польши и Чехословакии продолжали обсуж-

²⁶ Там же. Л. 88.

²⁷ Там же. Л. 89.

²⁸ Там же. Л. 129.

²⁹ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 41с. Д. 31. Л. 18.

³⁰ Там же. Л. 19.

³¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 887. Л. 16.

дать возможные варианты сотрудничества в этой сфере. В 1965 г. на двусторонней встрече с делегацией Чехословакии П. Ярошевич, глава польского Комитета экономической взаимопомощи с границей и председатель Исполнительного комитета СЭВ, поднял вопрос о многосторонней координации планов. Участники переговоров согласились, что проблемы связаны с отсутствием до сих пор четкой концепции координации³². Для участников встречи было очевидным, что координация не может ограничиваться только организацией торговых соглашений, а должна распространяться на производство и инвестиции, как это было предложено Польшей в 1962 г. При этом они негативно оценивали принятые в 1962 г. решения³³. Таким образом, речь шла не об отказе от координации планов, но об альтернативном взгляде на пути ее реализации.

Надо сказать, что в первой половине 1960-х гг. содержание координации планов так и не было четко определено. Эту форму сотрудничества рассматривали и как перспективную возможность согласования долгосрочных национальных планов, что предполагало координацию производства сырья для промышленности, углубление специализации производства по странам, развитие взаимных инвестиций и согласование торговых поставок. Подобный подход теоретически позволял избежать внедрения наднационального регулирования и при этом существенно продвинуть интеграцию блока. На практике под координацией планов, вероятно, понимались двусторонние консультации представителей плановых органов накануне подписания очередных пятилетних торговых соглашений, а также — заключение межправительственных соглашений о строительстве ресурсодобывающих предприятий в рамках долевого участия.

Последним полем битвы вокруг координации планов стала разработка новой программы развития СЭВ в 1969–1971 гг. Речь вновь шла о координации планов на ближайшую пятилетку, и, как в конце 1950-х, важнейшими сферами согласования стали сырье и энергия. В 1969 г. во время работы редакционной комиссии постановления XXIII Сессии СЭВ «О дальнейшем развитии экономического сотрудничества стран — членов Совета экономической взаимопомощи» представитель ПНР Ярошевич вновь настаивал на скорейшем завершении координации планов и подписании серии двух- и многосторонних соглашений по поставкам специализированной продукции³⁴. Однако, в отличие от прошлых инициатив, эта не предполагала масштабной перестройки организации и была нацелена только на решение текущих задач. В 1970 г. по инициативе Исполнительного комитета были созданы рабочие группы для консультаций по основным вопросам экономической политики стран СЭВ, в том числе по координации планов на длительную перспективу. Рабочие группы ограничились обобщенными рекомендациями. Попытки Исполнительного комитета поручить разработку предложений по повышению эффективности сотрудничества плановым органам стран-участниц не увенчались успехом³⁵. Куда больше внимания со стороны национальных делегаций привлекала проблема

³² AAN. KWGzZ. Z. 22.5. S. 13.

³³ Ibid. S. 14.

³⁴ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 48: XXIII (Специальная) Сессия Совета экономической взаимопомощи 23–26 апреля 1969 г. в г. Москве.

³⁵ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 54с Д. 4. Л. 27–28.

«обеспечений важнейшим сырьем», которой «должны были бы заняться» представители плановых органов³⁶.

Многосторонняя координация планов за период с 1958 по 1971 г. уверенно претендовала на то, чтобы быть «ведущей формой сотрудничества социалистических стран», но только на бумаге. В научной, научно-популярной и публицистической литературе с середины 1960-х гг. «координация планов» представляла в качестве одного из самых успешных способов экономического сотрудничества, представляя собой удобную риторическую фигуру, зонтичный термин, охватывавший потенциально широкий спектр реальных и возможных механизмов сотрудничества. На практике координация планов социалистических стран представляла собой согласование торговых поставок на пятилетний период, посредством которых частично формировались и национальные планы. В то же время термин предполагал хотя бы теоретическую возможность реализации одной из альтернатив реформирования СЭВ: через создание межгосударственного Госплана, четкое разделение сфер производства и научно-технических работ, согласование капиталовложений в собственные экономики и иностранных инвестиций, создание совместных предприятий или организаций для развития ориентированных на экспорт производств. Идея координации планов возникла как способ преодоления дефицита металлургического сырья, но уже к началу 1970-х гг. была сведена к организации совместной добычи и согласованного распределения некоторых видов сырья. Попытки создать на ее основе социалистическую альтернативу наднациональному регулированию внутри СЭВ оказались безуспешными.

Заключение

Во второй половине 1950-х — середине 1960-х гг. внутри социалистического лагеря вырабатывались разные подходы к развитию Совета экономической взаимопомощи. Одним из направлений реформирования этой международной организации был процесс разработки и институционализации механизмов согласования национальных планов как «основного метода сотрудничества в рамках СЭВ». Во время сырьевого кризиса 1950-х гг. через координацию планов был разрешен сырьевой кризис, что позволило некоторым странам-участницам воспринять эту методику в качестве возможного инструмента успешной интеграции экономик.

Анализируя причины провала координации планов, Годард пришел к выводу, что «СЭВ был структурно неспособен организовать экономически рациональную координацию планирования между социалистическими странами с целью выработки общей плановой модели развития в блочном масштабе», а восточноевропейские страны были «экономически и политически заинтересованы в том, чтобы способствовать провалу координации планирования в Совете, чтобы вместо заключения долгосрочных пустых соглашений подписывать реальные краткосрочные двусторонние компромиссные договоры с Советским Союзом» [Godard, 2018, p. 209]. Эти тезисы справедливы только в узкой трактовке координации планов как инициативы Хрущева по организации межгосударственного планирования.

³⁶ Там же. Л. 68–69.

Трактуя координацию более широко, следует принимать во внимание проекты, предложенные руководством восточноевропейских стран. Например, польский «Меморандум» о реформировании СЭВ. Руководство Польши готовило радикальную трансформацию Совета, обсуждая в кулуарах не только замену секретаря организации, но и создание расчетного центра в рамках Комиссии по экономическим вопросам, единые методы расчета цен и согласования торговых поставок. Уже после окончательного провала хрущевского проекта польские и чехословацкие функционеры в двустороннем порядке продолжили обсуждение путей координации планов. То есть руководители восточноевропейских стран имели экономические мотивы не только для заключения многосторонних соглашений, но и для создания необходимых организационных структур для согласования инвестиций и торговли. Таким образом, термин «координация планов» в дискурсе социалистической интеграции стал зонтичным понятием для обозначения целого комплекса способов международного экономического сотрудничества внутри блока: как реальных (таких как согласование двусторонних поставок или итоговая мягкая форма разделения труда внутри блока в производстве продуктов сложного машиностроения), так и потенциальных (глубокого разделения труда, согласования инвестиционной политики, развития системы взаимных инвестиций, жесткого регулирования торговых поставок и научно-технических разработок внутри блока в целом).

Другой важный вопрос в углублении интеграции касается формирования наднациональных компетенций органов СЭВ, которых усиленно избегали в социалистическом блоке. Отказ от наднационального регулирования был ключевым принципом этих экономических отношений. Политические лидеры СССР и Польши, а также международные официальные лица Совета почти каждый год с 1959 по 1971-й повторяли идеологическое клише «СЭВ — не наднациональная организация» на крупных форумах, в программных документах и значимых статьях. Наделение СЭВ наднациональными полномочиями вступило бы в противоречие с концепцией национального суверенитета социалистических государств и фактическим положением СССР как безоговорочного политического лидера блока. Страны СЭВ по большей части старались избегать такого регулирования. Несмотря на это некоторые инициативы можно истолковать как попытки создания наднациональных структур. Так было с идеей международного Госплана или расширением полномочий Постоянной комиссии СЭВ по энергетике в начале 1960-х гг. Эти предложения исходили не только от руководства Советского Союза, но и от других стран — членов СЭВ. Инициаторами самых радикальных реформ Совета, вдохновленных успехом ЕЭК, часто выступали руководители не СССР, а других восточноевропейских стран, например Польши.

Таким образом, инициативы расширения полномочий СЭВ исходили от разных акторов, но противоречили идеологическим клише и стратегиям взаимодействия внутри блока. Так, европейские социалистические страны воспринимали любые намеки на наднациональные компетенции органов СЭВ в проектах СССР как укрепление его гегемонии. В то же время советское руководство усматривало в наднациональности, проступающей в предложениях восточноевропейских стран, угрозу утраты инициативы во внутриблоковых отношениях. Проблема дефицита промышленного сырья на какое-то время заставила все страны-участницы воспринимать координацию планов как потенциально эффективный инструмент интеграции. Однако преодоление кризиса привело к постепенному снижению мотивации

внутри СЭВ к движению в направлении координации, оставшейся полем активных дискуссий до начала 1970-х гг.

Источники

Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ. М.: Секретариат СЭВ, 1971. 120 с.

О создании «общего рынка» и Евратома // Коммунист. 1957. № 9. С. 88–102.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 49. Д. 887; Ф. 10. Оп. 2. Д. 20, 48.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 302. Оп. 2. Д. 12; Ф. 561. Оп. 3. Д. 1, 10; Оп. 23с. Д. 7; Оп. 28. Д. 27; Оп. 41с. Д. 31; Оп. 54с. Д. 4; Ф. 4372. Оп. 77. Д. 225. Archiwum Akt Nowych. Komitet Współpracy Gospodarczej z Zagranicą (AAN KWDzZ). Z. 22.5.

Różański H. Spojrzenie na RWPG. Wspomnienia dokumenty refleksje. 1949–1988. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. 306 s.

Stosunki gospodarcze polsko-czechosłowackie w latach 1945–1949. Zbiór dokumentów. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2015. 190 s.

Литература

Анпро А. Сотрудничество стран-членов СЭВ в экономических организациях социалистических стран. М.: Экономика, 1969. 112 с.

Баканов С.А., Попов А.А. Как шахтеры стали «аристократами»: социальные эффекты развития угледобычи в СССР и Польше (1945–1970-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2017. № 47. С. 87–96.

Виснер Х. Сотрудничество стран-членов СЭВ в области плановой деятельности — основа углубления социалистической экономической интеграции // СЭВ — новый этап сотрудничества / Ред. К.И. Микульский. М.: Экономика, 1986. С. 93–101.

Вольфсон С.Б. Стандарты как границы: неудачные попытки стандартизации социалистической Европы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 7 (71). Доступ для зарегистрированных пользователей. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840002417-7-1/> (дата обращения: 28.11.2021). DOI: 10.18254/S0002417-7-1.

Гибианский Л.Я. К истории возникновения коллективных структур советского блока: образование Совета экономической взаимопомощи // Славянство, растворенное в крови...: В честь 80-летия со дня рождения члена-корреспондента РАН В.К. Волкова (1930–2005) / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 325–348.

Липкин М.А. «Мировой кооператив народов»: Совет Экономической Взаимопомощи, который пытался построить Н.С. Хрущев // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (55). С. 121–144.

Липкин М.А. Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М.: Весь Мир, 2019. 184 с.

Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.). М.: ИВИ РАН, 2019. 174 с.

Некрасов В.Л. Экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущева: Авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 71–91.

Осунов Е.А. Французский взгляд на СЭВ в 1956–1963 гг. Эволюция подхода и последствия для политики Пятой республики. По материалам архива МИД Франции // «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х — середине 1970-х годов / Отв. ред. М.А. Липкин. М.: Весь Мир, 2019. С. 221–240.

Фаддеев Н.В. Совет экономической взаимопомощи. М.: Экономика, 1964. 168 с.

Шурков О.Н. СЭВ в мировой экономике: современная оценка проблемы функционирования и значения. Вопросы истории, методологии и историографии. М.: ИНИОН РАН РФ, 2005. 154 с.

Bideleux R., Jeffries I. A History of Eastern Europe: Crisis and Change. London: Routledge, 1998. P. 539–540.

Crump L., Godard S. Reassessing Communist International Organizations: A Comparative Analysis of COMECON and the Warsaw Pact in relation to their Cold War Competitors // Contemporary European History. 2018. Vol. 271. No. 1. P. 83–109. DOI: 10.1017/S096777317000455.

Gillingham J. Coal, Steel, and the Rebirth of Europe, 1945–1955. The German and French from Ruhr Conflict to Economic Community. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. 397 p.

Godard S. The Council for Mutual Economic Assistance and the Failed Coordination of Planning in the Socialist Bloc in the 1960s // Planning in Cold War Europe: Competition, Cooperation, Circulations (1950s — 1970s) / Eds. Ch. Michel, K. Sandrine, M. Ondrej. Berlin: De Gruyter, 2018. P. 187–210.

Jersild A. The Soviet State as Imperial Scavenger: “Catch Up and Surpass” in the Transnational Socialist Bloc, 1950–1960 // American Historical Review. 2011. Vol. 116. No. 1. P. 109–132.

Kansikas S. Socialist Countries Face the European Community. Soviet-Bloc Controversies over East-West Trade. Bern: Peter Lang GmbH, 2014. 224 p.

Kaplan K. Československo v RVHP 1949–1956. Praha: Ustav pro soudobé dějiny AV ČR, 1995. 519 s.

Kochetkova E. Technological Inequalities and Motivation of Soviet Institutions in the Scientific-technological Cooperation of Comecon in Europe, 1950s–80s // European Review of History: Revue européenne d’histoire. 2020. Vol. 28. Iss. 3. P. 355–373. DOI:10.1080/13507486.2020.1835829.

Libbey J. CoCom, Comecon, and the Economic Cold War // Russian History. 2010. Vol. 37. No. 2. P. 133–152.

Müller U. Introduction: Failed and Forgotten? New Perspectives on the History of the Council for Mutual Economic Assistance // Comecon Revisited. Integration in the Eastern Bloc and Entanglements with the Global Economy. Comparativ. 5–6. 2017 / Eds. U. Müller, D. Jajeśniak-Quast. Leipzig: Leipziger Univ. Verlag, 2017. P. 7–25.

Popov A.A. Trade Expansion within the Council for Mutual Economic Assistance after the Polish and Hungarian Crises // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер.: История. 2018. Т. 63. Вып. 4. С. 1307–1308.

Schiavone G. The Institutions of COMECON. London: Macmillan, 1981. 260 p.

The Limits of Cooperation: Coordination of Five-Year Plans of the CMEA Countries and the Problem of Shortage of Raw Materials (1950–1970s)

ALEKSEĬ A. POPOV

The National Research “University Higher School of Economics”,
Moscow, Russia;
e-mail: aa.popov@hse.ru

SOF’YA A. TRUSHNIKOVA

The National Research University “Higher School of Economics”,
St Petersburg, Russia;
e-mail: Sofitrushnikova@mail.ru

For a long time, CMEA was perceived through comparison with EEC. However, new modern researches revise the “passiveness” of the Comecon. They show how in this organization some ideas of European integration were canceled and rethought. Coordination of national economic plans was suggested as an alternative that could help to avoid supranational regulation in CMEA. It should have helped to solve the problem of shortage of raw materials. This article argues that the lack of motivation in East European countries-participants was not the reason for the failure of coordination plans. There were economic motives in the socialist integration. The research-based is on the archive documents that connected with Comecon from the Russian State Archive of Economics. It also used transcripts of meetings of leaders of communist parties from the funds of the Russian State Archive of Contemporary History and documents of the Committee for Cooperation with Foreign Countries of the Polish People’s Republic of the Archive of New Records. The case about coordination plans was examined through analyzing discussions around CMEA reform projects in the 1950s — 1970s. The authors concluded that many actors make proposals for transformation of Comecon. Some even had suggestions that were similar to the idea of supranational. However, they couldn’t be realized because of the ideological position of socialist countries to protect national interests. When the commodity crisis was starting to low, the motivation of the leadership of the socialist countries in making big reforms also slowly disappeared. Nevertheless, the coordination plans were the battlefield for the trajectory of development of integration within the socialist camp until the 1970s.

Keywords: integration, planning, socialist camp, 20th century history, USSR, Polish People’s Republic.

Acknowledgment

The research was carried out as part of the Program for Fundamental Research of National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

References

- Apro, A. (1969). *Sotrudnichestvo stran-chlenov SEV v ekonomicheskikh organizatsiyakh sotsialisticheskikh stran* [Cooperation of the CMEA member countries in the economic organizations of the socialist countries], Moskva: Ekonomika (in Russian).
- Archiwum Akt Nowych. Komitet Współpracy Gospodarczej z Zagranicą (AAN. KWGzZ). Z. 22.5 (in Polish).
- Bakanov, S.A., Popov, A.A. (2017). Kak shakhtery stali “aristokratami”: sotsial’nyye efekty razvitiya ugledobychi v SSSR i Pol’she (1945–1970-e gg.) [How miners became “aristocrats”: social effects of the development of coal mining in the USSR and Poland (1945–1970s)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya*, no. 47, 87–96 (in Russian).
- Bideleux, R., Jeffries, I. (1998). *A History of Eastern Europe: Crisis and Change*, London: Routledge.
- Crump, L., Godard, S. (2018). Reassessing Communist International Organizations: A Comparative Analysis of COMECON and the Warsaw Pact in relation to their Cold War Competitors, *Contemporary European History*, 27(1), 85–109. DOI: 10.1017/S0960777317000455.
- Faddeev, N.V. (1964). *Sovet ekonomicheskoy vzaimopomoshchi* [Council for Mutual Economic Assistance], Moskva: Ekonomika (in Russian).
- Gibianskiy, L.Ya. (2010). K istorii vozniknoveniya kollektivnykh struktur sovetskogo bloka: obrazovaniye Soveta ekonomicheskoy vzaimopomoshchi [To the history of the emergence of the collective structures of the Soviet bloc: the formation of the Council for Mutual Economic Assistance], in *Slavyanstvo, rastvorennoye v krovi...: V chest’ 80-letiya so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta RAN V.K. Volkova (1930–2005)* [Slavism dissolved in blood...: In honor of the 80th anniversary of the birth of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V.K. Volkov (1930–2005)] (pp. 325–348), Moskva: Institut Slavyanovedeniya RAN (in Russian).
- Gillingham, J. (1991). *Coal, steel, and the rebirth of Europe, 1945–1955. The German and French from Ruhr conflict to economic community*, Cambridge: Cambridge Univ. Press
- Godard, S. (2018). The Council for Mutual Economic Assistance and the Failed Coordination of Planning in the Socialist Bloc in the 1960s, in Ch. Michel, K. Sandrine, M. Ondrej (Eds.), *Planning in Cold War Europe: Competition, Cooperation, Circulations (1950s — 1970s)* (pp. 187–210), Berlin: De Gruyter.
- Jersild, A. (2011). The Soviet State as Imperial Scavenger: “Catch Up and Surpass” in the Transnational Socialist Bloc, 1950–1960, *American Historical Review*, 116(1), 109–132.
- Kansikas, S. (2014). *Socialist Countries Face the European Community. Soviet-Bloc Controversies over East-West Trade*, Bern: Peter Lang GmbH.
- Kaplan, K. (1995). *Československo v RVHP 1949–1956*, Praha: Ustav pro soudobu dějiny AV ČR (in Czech).
- Kochetkova, E. (2020). Technological Inequalities and Motivation of Soviet Institutions in the Scientific-Technological Cooperation of Comecon in Europe, 1950s–80s, *European Review of History: Revue européenne d’histoire*, 28(3), 355–373. DOI:10.1080/13507486.2020.1835829.
- Kompleksnaya (1971) programma dal’neyshego uglublenniya i sovershenstvovaniya sotrudnichestva i razvitiya sotsialisticheskoy ekonomicheskoy integratsii stran-chlenov SEV* [Comprehensive program for further deepening and improving cooperation and development of socialist economic integration of the CMEA Member Countries], Moskva: Sekretariat SEV (in Russian).
- Libbey, J. (2010). CoCom, Comecon, and the Economic Cold War, *Russian History*, 37(2), 133–152.
- Lipkin, M.A. (2017). “Mirovoy kooperativ narodov”: Sovet ekonomicheskoy vzaimopomoshchi, kotoryy pytalsya postroit’ N.S. Khrushchev [“World cooperative of people”: The Council for Mutual Economic Assistance, which N. Khrushchev tried to build], *Novyy istoricheskiy vestnik*, no. 4, 121–144 (in Russian).

Lipkin, M.A. (2019). *Sovet Ekonomicheskoy Vzaimopomoshchi: istoricheskiy opyt al'ternativnogo global'nogo miroustroystva (1949–1979)* [Council for Mutual Economic Assistance: historical experience of an alternative global world order (1949–1979)], Moskva: Ves' Mir (in Russian).

Müller, U. (2017). Introduction: Failed and Forgotten? New Perspectives on the History of the Council for Mutual Economic Assistance, in U. Müller, D. Jajeśniak-Quast (Eds.), *Comecon Revisited. Integration in the Eastern Bloc and Entanglements with the Global Economy. Comparativ*, 5–6 (pp. 7–25), Leipzig: Leipziger Univ. Verlag.

Nekrasov, V.L. (2019). *“Dilemma Khrushcheva”: reformy Gosplana SSSR, neftekhimicheskii proyekt i vyzovy kholodnoy voyny (vtoraya polovina 1950-kh — pervaya polovina 1960-kh gg.)* [“Khrushchev’s dilemma”: reforms of the State Planning Committee of the USSR, the petrochemical project and the challenges of the Cold War (second half of the 1950s — first half of the 1960s)], Moskva: IVI RAN (in Russian).

Nekrasov, V.L. (2017). Ekonomicheskii reformizm epokhi N.S. Krushcheva: Avtoritarnyy reformator, partiyno-gosudarstvennaya sistema i akademicheskoye soobshchestvo [Economic reformism of the era of N.S. Khrushchev: Authoritarian reformer, party-state system and academic community], *Novyy istoricheskiy vestnik*, 4 (54), 71–91 (in Russian).

Osipov, E.A. (2019). Frantsuzskiy vzglyad na SEV v 1956–1963 gg. Evolyutsiya podkhoda i posledstviya dlya politiki Pyatoy respubliky. Po materialam arkhiva MID Frantsii [The French view of the CMEA in 1956–1963. Evolution of approach and implications for the policy of the Fifth Republic. Based on materials from the archives of the French Foreign Ministry], in M.A. Lipkin (Ed.), *“Mirovaya sistema sotsializma” i global'naya ekonomika v seredine 1950-kh — seredine 1970-kh godov* [“The world system of socialism” and the global economy in the mid-1950s — mid-1970s] (pp. 221–240), Moskva: Ves' Mir (in Russian).

O sozdanii “obshchego rynka” i Evratoma (1957) [On the creation of a “common market” and Euratom], *Kommunist*, no. 9, 88–102 (in Russian).

Popov, A.A. (2018). Trade Expansion within the Council for Mutual Economic Assistance after the Polish and Hungarian Crises, *Vestnik S.-Peterb. un-ta. Ser.: Istoriya*, 63 (4), 1307–1308.

Russian State Archive of Contemporary History (RGANI), f. 5, op. 49, d. 887; f. 10, op. 2, d. 20, 48 (in Russian).

Russian State Archive of Economy (RGAE), f. 302, op. 2, d. 12; f. 561, op. 3, d. 1, 10; op. 23c, d. 7; op. 28, d. 27; op. 41c, d. 31; op. 54c, d. 4; f. 4372, op. 77, d. 225 (in Russian).

Rózański, H. (1990). *Spojrzenie na RWPG. Wspomnienia, dokumenty, refleksje. 1949–1988*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe (in Polish).

Schiavone, G. (1981). *The Institutions of COMECON*, London: Macmillan.

Shirokov, O.N. (2005). *SEV v mirovoy ekonomike: sovremennaya otsenka problemy funktsionirovaniya i znacheniya. Voprosy istorii, metodologii i istoriografii* [CMEA in the world economy: a modern assessment of the problem of functioning and significance. Questions of history, methodology and historiography], Moskva: INION RAN RF (in Russian).

Stosunki gospodarcze polsko-czechosłowackie w latach 1945–1949. Zbiór dokumentów (2015), Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego (in Polish).

Visner, H. (1986). Sotrudnichestvo stran-chlenov SEV v oblasti planovoy deyatelnosti — osnova uglubleniya sotsialisticheskoy ekonomicheskoy integratsii [Cooperation of the CMEA member countries in the field of planned activities is the basis for deepening socialist economic integration], in K.I. Mikul'skij (Ed.), *SEV — novyy etap sotrudnichestva* [CMEA — a new stage of cooperation] (pp. 93–101), Moskva: Ekonomika (in Russian).

Vof'son, S.B. (2018). Standarty kak granitsy: neudachnyye popytki standartizatsii sotsialisticheskoy Evropy [Standards as boundaries: failed attempts to standardize socialist Europe], *ISTORIYA*, 9, no. 7 (71). Available at: <https://history.jes.su/s207987840002417-7-1/> (date accessed: 28.11.2021). DOI: 10.18254/S0002417-7-1.